

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Москва, Комсомольск. — 1998 — 29 авг. — с. 2

— Михаил Борисович, многие сотрудники Эрмитажа вас помнят "во-о-от такусеньким". А вы сами помните, когда в первый раз сюда пришли?

— Вряд ли я первый раз пришел в Эрмитаж своими ногами. Наверное, меня все-таки принес папа: как все отцы, он очень гордился мной. Я помню себя в Эрмитаже лет с пяти. Как и всякого мальчишку, меня тогда занимала войнушка, оружие, и сотрудники арсенала давали мне по благу поддерживать старинные клинки, сабли и кортики. Дух захватывало. Потом меня стали интересовать древности. Я мог часами рассматривать черепки и осколки, в том числе и те, что привозил из археологических экспедиций отец. В классе 7—8-м полюбил современное искусство. В Эрмитаже как раз проходила первая выставка Пикассо, и это был своего рода переломный момент.

Вообще мои отношения с этим большим домом складывались удивительно. Когда я был мальшом, я здесь играл. Когда подрос, стал приходить учиться: занимался почти во всех музейных кружках. Археологическом, истории искусств, рисования... Кстати, я до сих пор рисую для себя. А сегодня здесь моя работа.

— Вы назвали Эрмитаж домом. Насколько хорошо вы его знаете? Можете идти по Эрмитажу в темноте?

— Наш последний император — Николай — был очень аккуратным человеком. Он хвалился тем, что на своем столе может любую вещь разыскать с закрытыми глазами. Такой же порядок был при нем и в Зимнем дворце.

Глядя на мой рабочий стол, конечно, вряд ли можно сравнить меня с Николаем. И все-таки: я могу идти по Эрмитажу ночью. Особенно белой ночью. Нет, я серьезно. Последовательность залов, повороты, лестницы, ступеньки — мне все это хорошо знакомо. Вот только картины часто перемещаются с одного места на другое.

Кстати, известный факт. Во время войны, когда большая часть собрания была эвакуирована, экскурсоводы водили по залам солдат, показывая им пустые рамы, и рассказывали, какие картины находились в них прежде.

— Многие сотрудники Эрмитажа знают вас если не с детства, то со студенческих лет. Неизбежное панибратство не мешает работе?

— Конечно, мешает. Во-первых, волей-неволей все без исключения меня сравнивают с отцом. Его в Эрмитаже очень любили. Кроме того, каждый может прийти и по-своему сказать, что он думает. Мы здесь, конечно, не выражаемся, но разговоры бывают непростые. Хотя к этому я был готов заранее. Ведь когда мне предложили стать директором Эрмитажа сразу после отца, я очень много думал.

— Ходят слухи, что о вашем назначении ходатайствовал лично Егор Гайдар?

— Я с Гайдаром не знаком. И как меня назначили, точно не знаю. Думаю, что разговоры начались, еще когда был жив отец. Но мое первое удостоверение действительно было подписано Гайдаром, который тогда возглавлял правительство. Кстати, теперь я меняю удостоверение всякий раз, как меняется власть. Последнее подписал Бабичев, но, видно, пора ехать снова менять.

— Недоброжелатели говорят, что, став директором Эрмитажа, вы скорее проиграли, чем выиграли. Ваша научная карьера закончена: теперь Пиотровский вынужден заниматься выбиванием денег и поиском спонсоров. С другой стороны, как директор крупнейшего музея страны вы можете беспрепятственно кататься по земному шару, общаться с известными людьми, лично обращаться к президенту. Какая точка зрения вам ближе?

— Я никогда не был обделен встречами с сильными мира сего. Да — сегодня я каждые две недели встречаюсь с королями, политиками, поп-звездами. Ну и что из этого? Я и раньше был знаком, например, с королем Иордании Хусейном. У меня нет соблазнов.

Что касается моей научной деятельности, то директор такого музея, как Эрмитаж, просто не может не быть известным ученым. Это общеевропейская традиция. Поэтому я продолжаю работать. Недавно закончил книгу "Язык мусульманского искусства". Читаю лекции по истории ислама в Санкт-Петербургском университете и в нашем лектории. Участвую в организации выставок. Пишу статьи.

Конечно, вместе с этим приходится заниматься и совершенно другими делами. Наше правительство почему-то считает, что директор музея — это прежде всего менеджер, который должен зарабатывать деньги. Не умеешь стричь купоны — значит, не на своем месте. Я уж не знаю, как им объяснить, что Эрмитаж — это ни в коем случае не коммерческое учреждение, и нельзя к нам относиться как к палатке. Обкладывать налогами, требовать, чтобы мы сдавали помещения в аренду. На битву с чиновниками и решение хозяйственных вопросов уходит уйма времени и сил: я сплю в обнимку с телефоном и пейджером. И тем не менее я уверен: должность директора Эрмитажа — это вершина карьеры ученого. Мне можно только позавидовать.

— Вы сидите в кабинете своего отца, в его кресле. Авторитет отца на вас не давит?

— У меня есть мистическое ощущение его постоянного присутствия где-то рядом со мной. Я уверен: отец знает, что и как я делаю. Принципы у нас с ним одинаковые, главные из которых — поддержка мирового престижа Эрмитажа. Любимыми средствами. Мы все тут снобы в том плане, что привыкли считать Эрмитаж самым лучшим музеем в мире. У меня есть внутреннее ощущение: отец одобряет все, ну или почти все, что я в этом направлении делаю.

— Над вашим креслом — портрет императрицы Екатерины Великой. Несколько странно для государственного учреждения, тем более, если принять во внимание, что вашим патроном является не кто-нибудь, а сам президент Ельцин.

— Наш главный патрон — Екатерина, при которой началось собрание Эрмитажа. Поэтому здесь висит этот портрет. Мы его повесили сразу, как сняли Ленина. Но что правда, то правда: Ельцин действительно сегодня патронировал Эрмитаж.

— Как вы думаете, это личная инициатива президента или находка его имиджмейкеров?

— Этого я, конечно, не знаю, но могу сказать, что с 1914 года Ельцин — первый глава России, который посетил Эрмитаж с официальным визитом. Здесь никогда не были ни Ленин, ни Сталин, ни прочие вожди коммунистической партии. Что значит патронаж президента? Не считая 20 миллионов долларов, которые нам дали на пополнение коллекции в течение двух лет (с 1994 по 1996 год), это просто честь. Это признание особого статуса Эрмитажа. Да, мы — бедные. Да, последнее время мы почти ничего не получали от Кремля, но, если мой патрон — президент страны, я уверен, иду по миру с протянутой рукой. Под его имя деньги обязательно дадут.

— Вы сказали, что Ельцин был на экскурсии в Эрмитаже. Заметили ли вы какой-нибудь интерес к живописи с его стороны или это было чисто протокольное мероприятие?

— За время своей работы я видел только одного человека, на которого Эрмитаж не произвел абсолютно никакого впечатления. Это Саддам Хусейн. Полное безразличие ко всему, даже к культуре собственного народа. А так — каждый обязательно находит в Эрмитаже что-то свое. Конечно, одни больше разбираются

и сидят за столом Александра III, сверяет время по часам, принадлежащим Чайковскому, глядится в зеркало, в которое некогда смотрелись члены императорской фамилии... Он считает себя снобом и даже летом не выходит на люди без манжеты — щеголеватого шарфа из темного кашемира.

До революции история Зимнего дворца в Петербурге была связана с династией Романовых. Сегодня многие не без основания считают бывшую резиденцию русских царей вотчиной другой семьи — Пиотровских. Беспрецедентный случай в мировой культуре: крупнейший музей России — Эрмитаж — возглавляет сын человека, просидевшего в директорском кресле 26 лет. Относиться к этому можно по-разному. Но даже недоброжелатели, считающие, что семейственность хороша где угодно, но только не здесь, сходятся во мнении: лучше Михаила Борисовича Пиотровского Эрмитаж сегодня не знает никто.

На мой вопрос о том, хороший ли Пиотровский директор, старушка смотрительница только руками всплеснула: "Мишенька-то? Да он родился в Эрмитаже! Я его сама во-о-от такусеньким помню..."

**Михаил
ПИОТРОВСКИЙ:
"Начальник
охраны
Эрмитажа
убил
меня
на Зимней
канавке"**

УНИЖЕННЫЙ НЕОСКОРБЛЕННЫЙ

в искусстве, другие — меньше, но интересно всем. Я, например, был поражен степенью эрудированности Клинтона. Мы провели с ним в Эрмитаже два часа, и я с первых минут заметил, что он хорошо подготовился к визиту.

— Однако в Эрмитаже бывают и другие посетители. Ходят слухи, что некогда вам пришлось бежать по залам, отлавливая собачку Лайзы Миннелли. Эта сторона светской жизни не унижительна для ученого?

— Да, было дело. Мне передали, что ко мне хочет зайти Лайза Миннелли. Ну, — говорю, — раз хочешь, пусть зайдет. И женщина вроде неплохая, и песни мне ее нравятся. Но Миннелли, понятное дело, опоздала. Пришла через два часа, когда у меня было совещание. Прерываться я не стал, а попросил экскурсовода начинать экскурсию в Георгиевском зале, чтобы потом по пути их нагнать. Иду. И вдруг вижу эту самую собачку, царапающую своими коготками наш паркет. Нагнулся. Поднял. Унизительно? Не знаю, мне паркет дороже.

— Тогда такой вопрос. Макет пивоварни, выполненный в реставраторской Эрмитажа для пивоваренного завода "Степан Разин", договор с ЗАО "Невская оптика" о создании фирменных очков — это не унижительно?

— Тут вот какая вещь. С одной стороны, я считаю, что современные музеи могут зарабатывать деньги. Ну хотя бы потому, что посетители хотят не только посмотреть коллекцию, но и купить что-нибудь на память. Идея с очками "Эрмитаж" мне очень нравится! Согласитесь, такого еще не было. Теперь о нашем сотрудничестве с пивоваренным заводом. Я не вижу в этом ничего зазорного. То, что сделали наши реставраторы, — это точная копия древнеегипетской пивоварни. Но я специально сделал из этого заказа шоу, чтобы лишний раз прорекламировать нашу египетскую коллекцию. Попробуй добейся, чтобы какая-нибудь газета напечатала снимок нашего экспоната, а тут все опубликовали как миленькие. Ради пропаганды Эрмитажа, искусства я готов на что угодно. В Питере все знают: Пиотровский не перерезал ленточку разве что перед новыми туалетами.

— Вам никогда не предлагали поправить материальное положение Эрмитажа за счет продажи картин?

— Раньше предлагали, теперь уже нет, потому что знают: вылетят из моего кабинета раньше, чем закры-

ют рот. Моя позиция однозначна: ничего продавать нельзя. Я знаю, что в Америке эксперты до сих пор спорят о том, может ли музей что-нибудь продать, чтобы что-нибудь купить. Николай I продавал вещи из Эрмитажа в пределах России. Советское правительство продавало: за границу ушло несколько тысяч произведений. По-моему, хватит. Мне до слез обидно, когда я вижу в западных коллекциях картины, некогда находившиеся в собрании Эрмитажа.

Когда в семье финансовые трудности, в первую очередь продается фамильное серебро. Поэтому меня не удивляет, что разговоры о продаже предметов из нашей коллекции время от времени заходят на высоком правительственном уровне. Впрочем, на это я могу ответить лишь одно: "Только через мой труп".

— Кажется, нечто подобное сказал ваш отец, Борис Борисович Пиотровский, когда Романов попросил у него дать на свадьбу дочери коллекционный сервиз...

— О боже! Опять этот сервиз! Я уже столько раз говорил, что это сказки... Ну нет и не было никогда в коллекции Эрмитажа сервиза, которым можно было бы накрыть стол на 200 персон. Не стану скрывать: почва для такой дззы несомненно была. Отношения у папы с Романовыми складывались трудно уже потому, что тот демонстративно любил русское искусство. Доходило до смешного: в годы его правления было издано специальное распоряжение, предписывающее вести все делегации, всех иностранных туристов сначала в Русский музей, а уже потом по желанию в Эрмитаж. Возможно, тот, кто придумал дззу, знал об этой ненависти. И хотя никаких оргвыводов все равно не последовало, папа очень переживал.

Было время, когда эта история в разных вариантах появлялась чуть ли не во всех центральных газетах. "Вот идиоты! Верят во всякую чушь!" — возмущался отец, а я говорил: "Не волнуйся. Лично ты везде выглядишь достойно".

Про меня, кстати, тоже недавно сочинили историю и даже напечатали за границей огромный тиражом.

— Почему мы не знаем?

— Потому что этот бестселлер до нас еще не дошел. Впрочем, это печальная книга. Меня там в конце убивает на Зимней канавке начальник охраны Эрмитажа: я мешаю бандитам продать украденные картины на Запад.

— Во как! Вы на всякий случай не проверили своего начальника охраны?

— На всякий случай проверил. С ним все в порядке. Вообще, это тревожный симптом, когда даже имя директора музея за границей так или иначе связывают с криминалом. Мой коллега — хранитель художественной коллекции британского парламента Лорд Джефри Арчилд — тоже написал книгу про русскую мафию. Я еще ее не читал, но знаю, что в предисловии он выражает благодарность мне как консультанту. Интересно, какому консультанту? По мафии?

— Вопрос, который нельзя обойти: как вы относитесь к проблеме реституции? Ведь она в первую очередь коснется именно вашего собрания.

— Эта проблема коснется всех. Сейчас почему-то все говорят только о России и Германии. Это заблуждение. Перемещенные ценности есть у всех, и если начать копаться глубже, то, я уверен, начнется скандал за скандалом. У австрийцев есть коллекции, у французов, в Америке много вещей, отобранных у евреев. Наши вещи то и дело всплывают на аукционах. Эта тема долгое время была закрыта, и решать проблему с бухты-барухты, думаю, не следует. Надо сначала честно выяснить, у кого что есть.

— Вы готовы показать, что есть лично у вас?

— Готов. И мы уже делаем это. Члены совместной российско-германской комиссии имеют полный доступ к коллекциям. Сейчас мы показываем в залах Эрмитажа собрание Шлимана. Кстати, если кто-то думает, что Эрмитаж — Клондайк вывезенных ценностей, это не верно. Мы почти все — около миллиона предметов — вернули. Готовы вернуть еще, но, конечно, не просто так, а соблюдая интересы России. Речь идет не о драке, а об обмене. Я считаю, что мы поступили мудро, когда обменяли архив герцога Лихтенштейнского на архив Соколова. Надо продолжать работать в том же направлении. В любом случае: вопрос реституции — вопрос политический. Пусть сначала договорятся юристы, примут решение политики. Хотя, разумеется, как директор Эрмитажа я не хочу ничего отдавать. Я привязан к каждой вещи.

— Их много?

— Всего в собрании более трех миллионов экспонатов.

— Вы можете поручиться, что знаете местонахождение каждого из них?

— Могу на сто процентов. Когда я пришел, моим главным приоритетом было создание профессиональной надежной службы безопасности. И я ее создал. Теперь задача номер один — компьютерная база. За последние годы наши потери — это две монеты, которые были украдены, все остальное — клянусь — на месте.

— И тем не менее вы не можете любить все. У вас есть какие-то пристрастия в искусстве?

— Они постоянно меняются. Когда-то мы с приятелем по кружку составляли список десяти любимых художников, сворачивали его и доставали вновь через год. Бывало так, что за этот год список менялся полностью. Например, я уже давно не люблю импрессионистов. Может, потому что их слишком много. Все, особенно японцы, просят: "Покажи импрессионистов!" Надеюсь.

Конечно, я понимаю, что от моих личных пристрастий зависит многое, поэтому стараюсь не закликиваться. Однако могу честно признаться: многие выставки проходят, потому что именно этот художник мне нравится и я захотел его показать. Так, например, было с Френсисом Бэконом, сейчас с Магритом. Мне с детства очень нравится Рембрандт.

— Про Эрмитаж рассказывают такой анекдот. Приходит новый русский, оглядывается по сторонам: "Да... Бедненько, бедненько. Но зато чисто". Директор Эрмитажа — богатый человек или "чистый" человек?

— Я живу на зарплату, размер которой заставляет чувствовать себя гораздо более униженным, чем договора с пивоваренным заводом и "Невской оптикой". Средний оклад в Эрмитаже — 450—500 рублей. За счет внутренних резервов мы стремимся поднять его до тысячи.

Машина у меня служебная. Но, разумеется, "Мерседес". Я просто не могу себе позволить ездить на другой: марка машины — это тоже показатель престижа Эрмитажа. Кроме того, "Мерседес" еще ни разу не ломался, а наши "Волги" каждую неделю в ремонте. А один раз моя машина нам даже помогла: приехали немцы (как раз на переговоры по реституции), и я послал за ними "Мерседес". Можете мне поверить, разговор сразу пошел совсем по-другому.

Дача у меня папина. Поездки, как правило, оплачивает приглашающая сторона. Что еще?

— Вот вы все жалуетесь на трудный диалог с правительством. Не лукавите ли? Ведь у вас там есть свой человек. Если не ошибаюсь, министр культуры Наталья Дементьева — жена вашего брата?

— Бывшая жена моего брата. После нее у него было еще несколько жен. Но, конечно, мы хорошо знакомы, хотя нельзя сказать, чтобы мне это как-то помогало. Тут ведь вот какая штука. И Чубайсу, и другим членам правительства, пришедшим из Питера, всегда надо было доказывать, что ты не помогаешь питерцам. Это любимая идефикс вашей московской прессы, за которую вы готовы глотку перегрызть...

— А... Как и все питерцы, Пиотровский не любит москвичей?

— Ну почему? Напротив, я очень люблю и Москву, и москвичей. Обязательство раз в месяц приезжаю к вам, чтобы подзарядиться энергией. У меня жена — москвичка. Я не разделяю этот спор столиц, считая, что Москва и Петербург — это два лица России. И оба они мне нравятся.

— Как вы думаете, ваш сын продолжит династию?

— Станет ли он директором Эрмитажа? Вряд ли. Хотя симптомы пока тревожные. Он, как и я, растет в Эрмитаже. Правда, погрешность на время все-таки есть: больше всего его интересуют компьютеры. Сейчас он помогает делать собственный Web-сайт Эрмитажа в Интернете. Так что доля истины в этом есть: династия Пиотровских продолжается.